

Апельсиновый сок и вино

Начало недели, классная комната. Цукимори поприветствовала меня теплой улыбкой:

- Доброе утро.

Поколебавшись пару секунд, я быстро ответил: «Доброе утро», - и поспешил к своей парте.

Я не хотел выглядеть трусом, но и на споры с раннего утра понедельника не тянуло. Я вообще не хотел сейчас ее видеть, потому что этот взгляд напоминал мне о пятничной ночи, которую лучше было бы поскорее забыть.

Но Цукимори никогда не догадается о подобных чувствах.

- Нономия-кун, у тебя помялся воротник, - весело отметила она и встала передо мной так, словно делала это уже не одну сотню лет. Затем поправила воротник белоснежными тонкими пальцами.

Перед моими глазами была ее бледная шея. Я плотно зажмурился, словно желал защититься от шальных мыслей.

Мой воротник был в полном порядке.

- Когда ты придешь в следующий раз? - прошептала Цукимори.

Она снова заговорила насчет субботы.

- Своим блестящим умом ты давно могла понять, что я отвечу.

Пока я был беспомощен...

- В следующую субботу я буду одна. У мамы снова совещание на работе и она придет поздно.

...Она была беззаботна.

- Ты думаешь, что я соглашусь?

- А ты думаешь, что я хочу услышать «нет»?

- Похоже, мне придется разъяснить, поскольку ты перестаешь понимать меня, когда все идет не так, как ты хочешь, - я приблизился к ней настолько, что расстояние между нами практически исчезло. - Ты не увидишь меня там во второй раз!

Чтобы завершить начатое, я блеснул улыбкой в стиле Цукимори.

- Тебе не нужно смущаться.

Как бы там ни было, обладательница этой улыбки сама улыбаться не перестала.

- Время от времени ты ведешь себя по-идиотски.

- В то время, как ты всегда сладкоречив, верно?

Со стороны мы, наверное, напоминали улыбающихся друг другу близких людей.

- Ёко-сан и Нономия выглядят, как... новобрачные?..

И затем кто-то недовольным голосом озвучил этот неуместный, невежественный комментарий. Это была Усами Чизуру.

Я не знал, на что похожа маленькая иглобрюхая рыбка, но мне показалось, что она должна быть как Усами, которая нахмурилась, положила подбородок на парту и надула щеки.

Она в самом деле особенная девушка. Я знал не так много людей, которые были настолько прекрасны в своей злобе.

Пока я весело наблюдал за Усами, Цукимори смущенно сказала:

- Ты слышал? Как новобрачные!

- Не смешно.

Если бы Цукимори слегка покраснела, я мог бы пересмотреть свое мнение и признать, что есть в ней что-то милое. Но, к сожалению, она была не так проста.

Ее глаза засверкали.

Дьявол, сошедший на землю - я мог видеть черный хвост, выглядывающий из-под юбки.

- Добро пожаловать домой, дорогой. Хочешь принять ванну? Или ты предпочтешь... ме-ня?

И она довольно хихикнула.

Для тех, кто не знал настоящую Ёко Цукимори, она, должно быть, выглядела, как невинная дева, с успехом разыгравшая маленькую шалость.

- В самом деле, не смешно...

Но для меня это было кошмаром. Отчасти потому, что здесь был один парень, который не мог остаться в стороне, когда рядом начинали обсуждать Цукимори.

- Эй, Нономия!

Вот и он, Камогава, который своим выражением лица напоминал стража адских врат.

- Конечно, ты выберешь ванну, да? Ты, естественно, выберешь ванну?

К моему огорчению, он был окружен толпой парней, которые поддерживали его: «Скажи это!»

- Если ты не пожелаешь вымыться... Ты знаешь, что случится, верно?

Они обменялись взглядами и одновременно «дружелюбно» улыбнулись. Они были отвратительны.

- Ну, как мужчина, я выберу...

Выбор был за мной. Камогава ничего об этом не сказал.

- ...Любой мужчина должен выбрать еду.

Но я не люблю проблемы.

- Мудрый выбор, Нономия-кун!

- Я так рад, что ты понимаешь меня, Камогава-кун.

- Тогда пойдём туда, где мы выслушаем всю историю?

- Боюсь, я просто не найду слов, чтобы описать всего.

Этим начиналась куча потерянного времени, в течение которого мне придется уверять их, что я не ходил на свидание с Цукимори.

Какая жалость, они ничего не знали. Они могли вести себя так беспечно только потому, что никто из них и понятия не имел о рецепте убийства.

И, даже не догадываясь, в каком положении я оказался, Цукимори бодро помахала мне рукой.

- Пока, дорогой!

Я ответил в ее духе:

- Сегодня буду поздно, милая.

Это все из-за злости.

Я уверен, что жалость накрыла меня с головой, пока меня уводили из класса, как работника, вынужденного подчиняться требованиям начальства.

...Уже тогда я заметил, что, Усами, всегда любившая поговорить, молчала на протяжении всего этого цирка.

Но я не мог спросить ее об этом, так как я был занят улаживанием дел с Ёко Цукимори, Камогавой и другими.

Ну, сложно сказать, что разговор с ней изменил бы события, случившиеся после школы.

Уроки кончились, и я был готов пойти домой, когда меня неожиданно остановила робкая Усами: «Нономия?..»

- В чем дело?

- Эм, я заметила, что... ты и Ёко-сан довольно хорошо ладите в последнее время...

- Ровно так же, как и обычно.

Из-за раздражения от этого бесконечного вопроса мой голос прозвучал довольно резко.

Усами заметила, что для подобных разговоров я был не в настроении, и еще больше растерялась.

- ...Но вы всегда вместе.

Устав от разговоров о Цукимори, я быстро сказал:

- Мы просто часто видимся на работе и в школе, как дежурные. Это все.

Затем я подхватил портфель и поспешил выйти из класса.

Но в следующее мгновение Усами загородила мне путь.

- Сто-о-о-ой!

- Что еще?

- У тебя есть пара минут?

- Нет.

- Я тебя не сильно задержу, честно!

Мой взгляд, похоже, был пугающим: она отвела глаза в сторону, словно маленькая обезьянка.

Я глубоко вдохнул - достаточно неприметно, чтобы это осталось незамеченным.

- Все зависит от того, чего ты хочешь.

Когда я решил, что вел себя, как ребенок, и намекнул на компромисс, Усами заметно воодушевилась.

Она была не виновата. Я просто устал от того, что меня постоянно водила за нос Цукимори и мною вертел как хотел Камогава со своими прихвостнями. Я сорвался на бедной девочке, хоть она была ни при чем.

Оглядевшись по сторонам, Усами прошептала мне:

- Тут не очень хорошее место... Можем, пойдем куда-нибудь еще?

Так как я готов был сопровождать ее везде, - не в последнюю очередь из-за того, что мне хотелось заглядеть свой поступок, - я кивнул.

- Тогда пойдем?

Ее напряженное лицо и неуклюжая походка заставили меня заволноваться о том, что скоро случится. Но я расслабился, ведь это была просто Усами.

Она привела меня в гимнастический зал, в котором было необычно тихо.

- Занятия в клубах отменили из-за экзаменов.

- Ясно, - два моих вопроса насчет необычной тишины в зале и клубных занятий Усами получили свой ответ. - Ну? Что ты от меня хочешь?

Я сел, прислонился к стене и приготовился слушать.

Обычно, когда кого-то зовут в подобное место, начинается драка со словами: «Ты меня раздражаешь!». Было бы забавно, если бы она действительно затеяла мордобой, но поскольку я, скорее всего, проиграю Усами в серьезной потасовке - она очень спортивная девочка - мне

бы хотелось, чтобы это было что-то другое. Что-нибудь мирное.

- Это просто продолжение нашего разговора, - сказала Усами, время от времени поглядывая на меня. - Скажи, Нономия, вы с Ёко-сан, случайно не... м-м, ну, ты знаешь, не встречаетесь?

Я не удивился. Чуть раньше Камогава спросил меня о том же. Хотя они добавили с серьезными, налитыми кровью глазами: «Если это так, то можешь считать себя трупом».

- Не глупи. Конечно, нет! - я засмеялся, но Усами мне не поверила.

- Пстой! Ты единственный парень, с которым она так хорошо ладит!

- Как я уже говорил, это из-за того, что мы часто вместе работаем.

- И все-таки! Когда я болтала с Цукимори, она только о тебе и говорила!

- Ответ тот же.

- Но... Но почему Ёко-сан посматривает на тебя во время уроков?

- Ты не тому задаешь этот вопрос. Спроси ее.

Для меня это было новостью.

- Говори, что хочешь, но я думаю, что вы что-то скрываете. Я знаю это!

- И?

- Э?.. Что и?

Усами выглядела озадаченной.

- Что ты хочешь от меня услышать? - видя вопросительные знаки над ее головой, я надавил на бедную девушку. - Что да, мы встречаемся?

- Нет! Не так! - крикнула она, и на ее лице незамедлительно появилось выражение: «Ох, что же я сказала?!» - Ах, е-естественно, это не то, что я хочу сказать, это только вас касается, но, эм-м, я имею в виду, разве Ёко-сан, как бы, не идол всей школы и все такое? Поэтому, видишь ли...

Ее несвязные оправдания, похоже, никогда не прекратятся, если кто-нибудь не остановит их.

- Усами.

Я похлопал по бетону рядом с собой и жестом попросил ее сесть. Она послушно села, смущенно теребя кончики своих волос.

- Честно, между мной и Цукимори ничего нет, - твердо сказал я, глядя ей в глаза.

- Ясно... так ничего нет, угу.

Лицо Усами засияло, как у ребенка, которому дали конфетку. Ее так легко понять.

Я легко заметил, что она равнодушна ко мне, даже интуиция Мирай-сан не потребовалась.

- Что ж, отлично, похоже, мы друг друга поняли.

Когда я хотел подняться, думая, что на этом все кончилось, она ухватилась за мой ремень.

- Могу я спросить еще кое-что?

Сначала я хотел все же уйти, после чего посмотреть на ее реакцию, но сдался и снова присел.

- Пожалуйста, спрашивай.

- Да, эм, Нономия... ты ведь ни с кем не встречаешься, верно?

- Верно.

Усами опустила глаза.

- Тогда... т-тебе кто-нибудь нравится? – спросила она, смотря на пол. Ее лицо было напряженно, а губы надуты, как утиный клюв.

Ее вопрос не был таким необычным. По крайней мере, мне нечего было смущаться. В обычном случае.

Однако из-за имени, промелькнувшем в моем разуме, я забыл про ответ.

- П-почему ты ничего не говоришь?

Ее тревога помогла мне прийти в себя.

- Это уже третий вопрос!

- Нет! Ты уходишь от ответа! Значит, она есть! Та, которая тебе нравится!

Шокированная Усами расширила круглые глаза и отодвинулась назад. Меня так и подмывало поддеть ее.

- Э? Кто? Кто это?! Ах! Это Ёко-сан, да? Это Ёко-сан!

- Мы вернулись к тому, с чего начали. Ради чего я потратил эти минуты? Верни мне мое время!

- Но кто же тогда это может быть?

- Расскажи мне, из-за чего ты так в этом уверена?

- Из-за женской интуиции!

Ее немедленный ответ заставил меня задуматься, о чем лепечет эта обезьянка, но, поскольку она и вправду женщина, я был бессилен перед оружием, называемым «женской интуицией», которая оставалась для мужчин загадкой.

Ведь до этого я вспомнил имя Ёко Цукимори, так что спорить было глупо.

- Я думаю, что Ёко-сан видит тебя иначе. Я знаю об этом, поскольку мы уже давно знаем друг друга, - ее робость исчезла. - Даже если ты отрицаешь это, я думаю, что и ты видишь ее по-другому.

Усами говорила, глядя прямо на меня. Это был решительный взгляд.

- И я понимаю тебя, Нономия... Ведь ты всегда в поле моего зрения.

Это был взгляд принявшего решение человека.

- Ах, е-естественно, это не то, что я хочу сказать, это только вас касается, но, эм-м, я имею в виду, разве Ёко-сан, как бы, не идол всей школы и все такое? Поэтому, видишь ли...

Ее несвязные оправдания, похоже, никогда не прекратятся, если кто-нибудь не остановит их.

- Усами.

Я похлопал по бетону рядом с собой и жестом попросил ее сесть. Она послушно села, смущенно теребя кончики своих волос.

- Честно, между мной и Цукимори ничего нет, - твердо сказал я, глядя ей в глаза.

- Ясно... так ничего нет, угу.

Лицо Усами засияло, как у ребенка, которому дали конфетку. Ее так легко понять.

Я легко заметил, что она равнодушна ко мне, даже интуиция Мирай-сан не потребовалась.

- Что ж, отлично, похоже, мы друг друга поняли.

Когда я хотел подняться, думая, что на этом все кончилось, она ухватилась за мой ремень.

- Могу я спросить еще кое-что?

Сначала я хотел все же уйти, после чего посмотреть на ее реакцию, но сдался и снова присел.

- Пожалуйста, спрашивай.

- Да, эм, Нономия... ты ведь ни с кем не встречаешься, верно?

- Верно.

Усами опустила глаза.

- Тогда... т-тебе кто-нибудь нравится? - спросила она, смотря на пол. Ее лицо было напряженно, а губы надуты, как утиный клюв.

Ее вопрос не был таким необычным. По крайней мере, мне нечего было смущаться. В обычном случае.

Однако из-за имени, промелькнувшем в моем разуме, я забыл про ответ.

- П-почему ты ничего не говоришь?

Ее тревога помогла мне прийти в себя.

- Это уже третий вопрос!

- Нет! Ты уходишь от ответа! Значит, она есть! Та, которая тебе нравится!

Шокированная Усами расширила круглые глаза и отодвинулась назад. Меня так и подмывало поддеть ее.

- Э? Кто? Кто это?! Ах! Это Ёко-сан, да? Это Ёко-сан!

- Мы вернулись к тому, с чего начали. Ради чего я потратил эти минуты? Верни мне мое время!

- Но кто же тогда это может быть?

- Расскажи мне, из-за чего ты так в этом уверена?

- Из-за женской интуиции!

Ее немедленный ответ заставил меня задуматься, о чем лепечет эта обезьянка, но, поскольку она и вправду женщина, я был бессилен перед оружием, называемым «женской интуицией», которая оставалась для мужчин загадкой.

Ведь до этого я вспомнил имя Ёко Цукимори, так что спорить было глупо.

- Я думаю, что Ёко-сан видит тебя иначе. Я знаю об этом, поскольку мы уже давно знаем друг друга, - ее робость исчезла. - Даже если ты отрицаешь это, я думаю, что и ты видишь ее по-другому.

Усами говорила, глядя прямо на меня. Это был решительный взгляд.

- И я понимаю тебя, Нономия... Ведь ты всегда в поле моего зрения.

Это был взгляд принявшего решение человека.

- Я думаю, что ты не подозреваешь об этом, но тоже думаешь о ней, как о ком-то особенном... Я не могу выразить это словами, но мне кажется, что вы друг для друга особенные. Как бы это было взаимно, ты просто не заметил, поэтому все, что требовалось - слегка подтолкнуть... и ты знаешь, мне стоило поторопиться, но тогда я подумала, что это будет эгоистично. Но теперь, вместо того, чтобы притворяться хорошей девочкой и сожалеть, я решила, что мне пойдет быть плохой девочкой... сделать по-своему, идти напролом... так что, эм-м...

Усами торопливо добавила: «С-сейчас». Глубоко вдохнула и выдохнула несколько раз, потом встала.

- Я, Чизуру Усами, люблю... тебя.

Только она могла так признаться.

Вряд ли найдется человек, который отказался бы от такого. Я стал любить ее еще больше.

- Спасибо тебе, - сказал я на автомате.

- Э? Пожалуйста... - ответила сбитая с толку Усами.

Я был искренне счастлив, поскольку мне нравилась она - девочка, которая являлась полной противоположностью мне.

Подул мягкий ветерок, словно школьных стен для него не существовало. В зале было так тихо, что даже обычный шум казался лишь иллюзией.

Внезапно Усами вытянулась, , и...

- НЯ-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я-Я!

...закричала предсмертным криком кошки прямо в голубое небо.

- А-ах. Я чувствую такое облегчение! Так рада, что сказала это!

Ее лицо буквально сияло.

- Прости, что отвлекаю тебя от твоего достижения, но что мне теперь делать?

- М-м?

- Я ведь еще не дал ответ.

Я подумал, что стоит ответить ей прямо, даже если ей придется услышать не совсем то, чего она желает.

И в следующее мгновение Усами залилась веселым смехом.

Вообще-то я хотел быть максимально тактичным, но, похоже, если ты делаешь не то, что привык, то всегда получаешь плохой результат.

- Не нужно сдерживать себя. Я и не жду ответа. Но мы же говорим о тебе, Нономия?

Она говорила шепотом. Поскольку она смотрела в пол, я не видел ее лица.

- Я не знаю, что это должно значить, поэтому пока побуду в шоке.

- Я заметила тебя с того момента, как мы пошли в школу, и давно знала, что ты не так прост. Я не рассчитываю на твое согласие!

Моя гордость не позволила признать, что она была права.

- У меня смешанные чувства от такой характеристики.

Я невольно пожал плечами. Так вот что называют «потерей лица».

- Но знаешь... - робко начала Усами, качая ногой. - Я все еще люблю тебя, так что у меня нет другого выбора, кроме как выкладываться на полную!

Ее мочки ушей были почти такими же красными, как помидоры.

- У тебя довольно необычные вкусы.

- И чья это вина? - возразила покрасневшая Усами.

Даже ее сентиментальность и простота, обычно считающиеся слабостью, вместе с прямой и упорной натурой только добавляли ей привлекательности.

Она напомнила мне об одной фразе.

«Влюбленные девушки неуязвимы».

Усами показала пальцем на меня, остановив его прямо перед моим носом.

- Но однажды я обязательно услышу, как ты скажешь, что любишь меня! Обязательно!

Ее робость заменилась обычной напористостью.

Однако я заметил, что ее палец слегка дрожал.

Этой, похожей на зверька, девочке с именем Усами приходилось затрачивать много усилий, чтобы сделать то, что я могу сделать с легкостью, но в то же время она творит такие чудеса, о которых я могу только мечтать.

Это относилось и к ее признанию.

Может, это выглядит натянуто, но я восхищался Усами. Скорее всего, из-за того, что у нее были такие качества, о которых я даже не мечтал.

И такие моменты были ее триумфом, я хотел обнять ее.

Однако я специально избрал другой путь.

- Интересно. Пожалуйста, приложи все свои усилия, - сказал я, сохраняя спокойствие. - Но позволь мне предупредить тебя: не думай, что я так просто влюблюсь в такую девочку, как ты!

- Что ты сказал?! Не забудь эти слова!

- Да, да.

- Черт возьми! Я покажу тебя, что такое хорошая женщина!

Ну, ладно. В конце концов, я «непростой» чудак, который думает, что разозленная Усами – самая милая Усами.

И вновь я пришел к тому же выводу: я был бы очень счастлив, если бы она была той, кого я люблю больше всех.

И в тот момент я, наконец, осознал, что в моем разуме была девушка, которую я не могу игнорировать.

Следующий день. С утра без остановки моросил дождь.

Мои чувства к ней колебались в неясном состоянии. Слишком нечисты, чтобы назвать их

любовью, но слишком сильны, чтобы назвать их интересом.

В первый раз в моей жизни меня переполняли эмоции. Но если это была цена, которую я должен был заплатить за самостоятельную жизнь, я готов был принять это неудобство.

Конечно, рецепт убийства был препятствием, тормозившим эти чувства.

Мне нравились загадочные девушки, но даже я чувствую себя в неловком положении, когда дело доходит до секрета, который нельзя хранить только из-за хороших отношений.

Например, убийство.

Не так легко принять человека, который, возможно, убил кого-то. Не столько из-за этических причин, сколько просто из-за страха за свою жизнь.

В любом случае, я мог бы быстро все узнать.

Просто нужно спросить у нее напрямую, убила ли она кого-то или нет.

Если она ответит: «Нет», - я могу со смешком отбросить свои надуманные предположения, послать смятый рецепт убийства в полет к сжигаемому мусору и обрести обычную повседневную жизнь, которая была немного лучше, чем нынешнее положение дел с Ёко Цукимори.

Разве этого недостаточно? Просить большего будет некультурно. Всегда есть соломинка, которая может сломать спину верблюда.

А что, если она ответит: «Да, я убила кого-то»?

Я подумал, что содержание рецепта убийства совпадало с причиной смерти ее отца. Любой, даже не имеющий такого воображения, как у меня, должен прийти к выводу, что рецепт убийства был написан, чтобы убить ее отца.

Более того, очевидно, что автор рецепта и есть убийца.

Я опустил взгляд на плечо. Перед моими глазами и носом был элегантно завитый локон черных волос.

Словно скатываясь по американским горкам, капля воды заскользила по ее волосам только для того, чтобы в конце путешествия исчезнуть в сером воздухе.

Я как-то напрягся, когда сравнил свою судьбу с этой каплей.

Заметив мой взгляд: «М?», - она склонила голову набок, улыбнувшись своей улыбкой заботливой сестры.

- Подойду поближе. Иначе намокну.

Она счастливо прильнула ко мне, словно мы были парочкой. Ее грудь размером с ладонь мягко прижалась к моему плечу.

Ей, как дьяволу, должно быть, нравилось соблазнять меня.

Но я ничего не мог поделать. Шел дождь, и только у меня был зонт. Поэтому сейчас расстояние между нами было меньше обычного.

Наверняка у нее в сумке был складной зонт. Сложно было поверить, что такая предусмотрительная девушка выйдет из дома без зонта.

После работы мы шли к ближайшей остановке. Я начал провожать ее после того, как она сказала, что за ней кто-то следит.

После той ночи Цукимори сказала: «Я чувствовала себя в безопасности, когда ты провожал меня домой. Если это тебя не затруднит, можешь сопровождать меня каждый день?» Естественно, я немедленно ответил: «Нет, потому что...» - но, к сожалению, мы были в комнате для персонала и в итоге против меня ополчились все: «Ну же, проводи ее!»

Они не отпускали меня до тех пор, пока я не взмолился: «Так, давайте сойдемся на том, что я буду провожать ее до остановки!» Это было в самом деле непостижимо.

Однако жизнь иногда приобретает неожиданный поворот. К моему величайшему удовольствию, путь до остановки был просто создан для разговора с глазу на глаз.

Я подождал, пока на светофоре загорится красный свет.

- Когда я вчера смотрел новости, мне стало интересно... - начал я. - ...Почему люди убивают?

Вообще-то я не смотрел новости. Но наверняка вчера произошло какое-нибудь убийство, учитывая атмосферу общества.

- О, тебя сегодня потянуло на философию? Мне нравится твое задумчивое лицо, - сказала она странно влажным голосом, словно не только ее волосы, но и связки попали под дождь. - Это из-за дождя? Он навевает сентиментальное настроение? Из-за него ты читаешь те книги, к которым обычно и не притрагиваешься.

- Точно, если я веду себя необычно, то это может быть из-за дождя.

Из-за ее слов я начал подозревать, что я выбрал этот день не случайно, а из-за плохой погоды.

- В любом случае, что ты об этом думаешь?

Наше музыкальное сопровождение состояло из звуков стучавших по зонту капель, разрезающих лужи автомобилей и крови, циркулировавшей в моих жилах.

- Ну...

Цукимори смахнула прядь черных волос с щеки, испуская аромат роз.

- Потому что они, наверное, хотят убить.

Равнодушный голос.

- Потому что хотят убить? И все? Ты думаешь, этого достаточно, чтобы убить кого-то?

Я был задет ее очевидно небрежным ответом.

- Это не так.

- Что ты имеешь в виду? Боюсь, пока ты не пояснишь, простой ученик не поймет гения.

- Ох, не сердись. Я не шучу, правда. Я в самом деле думаю так.

Она слегка пожала плечами, заметив мой косой взгляд.

- Вообще, я думаю, что в большинстве случаев проблема может быть решена без убийства, к примеру, если это обида или зависть. Конечно, есть исключения, вроде убийства ради получения страховки.

На светофоре загорелся зеленый свет. Рой зонтов пришел в движение, оставляя за собой лишь красный зонт, под которым стояли мы.

- Ты не считаешь, что отомстить можно и другими способами?

Я с трудом мог придумать хотя бы один, но без проблем предположил, что Цукимори знает несколько подобных способов.

- Каждый убийца должен искупить свои грехи по законам жизни или государства. Было сказано: «Живи мечом, умри от меча». Я думаю, что это относится и к убийству. Это глупый и безрассудный метод - и ничего более. Это можно назвать по-разному - «яростью» или «импульсом», но для меня все сводится к роли настроения - роли «желания убить», - сказала она и пояснила: - Я расцениваю все иррациональные поступки, как следствие настроения.

- Как ты и сказала, убийство и правда может быть бессмысленным поступком.

Я согласился с ее мнением. Я был даже тронут. Но из-за этого до странного уютный момент выглядел для меня неестественным.

На первый взгляд, ее хорошо обоснованная речь позволила ей выглядеть справедливой, образцовой ученицей. Но если копнуть глубже, она говорила только о средствах достижения цели.

Короче говоря, она спорила только об эффективности убийства, как метода.

То есть она не полностью осуждала убийство?

- Но и тут есть исключения, верно?

Я не мог увидеть ее лицо. Едва виднелись лишь ее губы.

- Например?

И эти губы были растянуты в улыбке.

Мы стояли под круглым маленьким зонтом, окруженные сплошной стеной дождя и ночи.

Несмотря на то, что город был наводнен людьми и всеми видами звуков, раскрашен в разные цвета, я чувствовал что-то вроде отчуждения от всего, словно мы были одни в лифте в полночь.

- Например, если бы ты могла убить, оставшись совершенно незамеченной.

Причиной этого феномена был я сам: я закрылся от окружающего мира.

В тот момент мой мир состоял только из Ёко Цукимори.

- Если можно, уточни. Боюсь, что твои извращенные мысли слишком сложны для моего понимания.

Она пожала плечами, словно дразня меня.

- Я говорю об идеальном преступлении... когда знающий человек увидит в этом предумышленное убийство, а для остальных оно будет несчастным случаем.

Когда я закончил с объяснением, Цукимори ответила с предельной концентрацией:

- Думаю, нам нужно провести грань между незапланированным убийством и идеальным преступлением, которое ты не можешь совершить только из-за одного желания. Ты должен быть в холодном уме и рационально мыслить, если стремишься к совершенству.

Весь наш разговор строился только вокруг полезности и эффективности. О морали и нравственности мы благополучно забыли.

- Но наша полиция знает свое дело. Криминалистика достигла таких высот, по сравнению с прошлыми преступлениями. Разве можно сейчас совершить безнаказанное убийство?

Она улыбнулась, словно намекая, что все это пустые мечты.

Именно тогда я нашел возможную причину неловкости, которую чувствовал уже много времени.

Наш разговор был слишком неромантичным для двух подростков, прижавшихся друг к другу в середине улицы под одним зонтом. И, тем не менее, я был поглощен им, что, скорее всего, произошло из-за моей натуры.

Меня не заботила смерть или жизнь, не имеющего никакого отношения ко мне. Разве что чужая смерть родила бы во мне любопытство. Нет, только лишь любопытство будет единственной реакцией на такое.

Я был хорошо осведомлен о моем несколько необычном складе ума.

Но что насчет нее?

Неужели знаменитая, справедливая Ёко Цукимори ведет такой необычный разговор? Для нее говорить об этом, не выказывая несогласия, должно быть пустяком, даже если ей придется скрывать свое неодобрение.

Однако для меня все выглядело не так.

Почему? Ну, потому что я чувствовал, что, как и я, она... наслаждалась подобными темами.

- Хорошо, но тогда чисто гипотетический вопрос...

Я осторожно дотронулся до левого кармана своей формы. Внутри была сложенная вчетверо бумажка.

- Что бы ты сделала, если бы у тебя была возможность совершить идеальное преступление?

Я всегда носил рецепт убийства с собой.

Моментом позже она подарила мне улыбку, напомнившую мне о звоне колокольчика.

- Хороший вопрос. Если бы я могла совершить идеальное преступление, его можно было бы рассматривать как средство достижения цели. Но в моем случае, - сказала она с озорной, похожей на полумесяц улыбкой, - я не стала бы опираться на план, который потом может стать уликой. Нелепей и быть не может - план идеального преступления сам послужил причиной провала. Я думаю, что план должен быть только в голове убийцы.

Она задумалась, напевая про себя, и затем добавила: «Если подумать, то не имеет значения, было ли все запланировано или стало результатом случайностей. В конце концов, преступление идеально, если никто не увидит в нем умысла.»

Это превзошло все мои ожидания. Мне казалось, я грезил наяву.

- Только результат определяет, идеально ли это преступление или нет. Однако всему конец, если о нем узнает кто-то еще. Другими словами, преступление идеально до тех пор, пока никто о нем не знает.

Внезапно я заметил, что дрожу.

- Но ведь человеку свойственно ошибаться? Люди несовершенны. Именно несовершенный человек совершает ошибку. И значит, все упирается в исполнителя.

Не из-за холода. И не от ухудшавшейся погоды. И не от страха перед ней.

- То есть самое важное условие идеального убийства - это не совершенный план или безупречное исполнение. Это совершенный человек.

Возможно, я дрожал от возбуждения. Потому что, похоже, я был очень взволнован.

Она хихикнула.

- Смешно, правда? Это просто очередная невыполнимая теория, написанная на бумаге. Идеальных людей не бывает. Ну, конечно, те, кто расследуют преступление, тоже люди, так что ошибки случаются и у них. Но я все же считаю, что идеальное преступление неосуществимо до тех пор, пока не произойдет строгая последовательность случайностей.

Так что я не могу глаубить свое гоотцавернонономиякун?

Возможно, мой извращенный характер просто сыграл со мной злую шутку, но я не мог не подумать о том, что именно это она и хотела сказать.

Я энергично покачал головой.

- Не знаю, не знаю.

Я повернулся к ней и взглянул в миндальные глаза. «Почему?» - спросила она, вновь с улыбкой. Я увидел свое отражение в ее зрачках.

- Ты солгала. Ты говорила, что в этом мире нет идеальных людей... но я знаю, по крайней мере, одну такую личность.

Она не спросила: «Кто?», а просто кивнула головой: «Понятно».

Она подловила меня... Так стало намного веселее!

Вина за то, что я был более разговорчив, чем обычно, и чувствовал, как от возбуждения бьется мое сердце, целиком лежала на Ёко Цукимори.

Почему все наши разговоры были такими волнующими?

Возможно, я просто получал удовольствие от разговора об аморальных вещах, но что было бы, если бы я говорил не с ней? Доставляло бы это подобное удовольствие?

Притворяясь раздраженным ее обычным поведением, я очень хотел продолжать этот разговор.

Так ли важна тема беседы? Разве я просто не желал чего-то волнующего, не существовавшего в моей прежней повседневной жизни, расспрашивая ее про рецепт убийства? Не было ли это причиной, по которой я, сам не осознавая, продолжал гулять по лезвию ножа?

Не боялся ли я возвращения в скучную реальность после открытого разговора об идеальном убийстве?

Мои действия не основывались на чувстве справедливости. Только на заинтересованности, любопытстве и желании узнать о ней побольше.

Так что я желал чего-то, что связало бы меня с обворожительной девушкой, которую звали Ёко Цукимори.

Но в то же время я хотел узнать, использовала ли она на самом деле этот или нет. Я противоречил самому себе.

Да. Я почти сделал еще один шаг к ней.

Я хотел увидеть ее такой, какой не видел никто.

Зеленый свет на светофоре вновь замигал. Сменился еще одним красным.

Дождь и не думал униматься, ударяя по асфальту с постоянным ритмом. Поток людей, направлявшихся к остановке, стал реже, город постепенно остывал.

Я тихо перевел дыхание, чтобы она не заметила моего растущего возбуждения. Затем медленно провел пальцами между пуговиц, засунув их во внутренний карман.

Я принял решение. Я спрошу напрямую.

Но Цукимори внезапно обняла меня. Пойманный врасплох, я не мог вытащить пальцы из кармана.

- Мне холодно... - прошептала Цукимори, выпустив изо рта белый пар еще до того, как я успел удивиться.

Ее глаза были полны слез, волосы намокли. Она очень чувственно прижималась ко мне, а прекрасные губы, казалось, просили поцелуя.

Мягкое прикосновение, которое я мог чувствовать через одежду, осталось прежним, но она и правда замерзла.

Не стоило так долго болтать с ней на холоде, но я не был ни сумасшедшим, ни столь осведомленным в любовных делах, чтобы обнять девушку на виду у всего города.

Я положил руки ей на плечи, желая высвободиться из ее объятий, но она тут же покачала головой, упрямо сказав: «Нет!», и обняла меня еще сильнее. Контрастируя с детским поведением, ее тело было развито более чем достаточно, чтобы зародить во мне запутанные чувства.

Вдруг я почувствовал какую-то вибрацию у ее груди.

- Господи, нашли время...

С сожалением на лице она достала мобильный телефон. Мне было довольно щекотно, учитывая, как сильно она прижималась ко мне.

Я вытащил руку из пиджака и спрятал ее в карман брюк. Из-за неожиданного звонка мое возбуждение полностью испарилось.

- Слушаю.

Она нахмурилась сразу после того, как начала разговор.

- Моя мама? Нет, ничего не слышала. Она была дома, когда я уходила в школу.

Во время разговора девушка становилась все мрачнее и мрачнее. Я не мог расслышать, что говорил звонивший, но это, очевидно, были не очень хорошие вести.

- Да... Поняла. Уже иду. Да. Если я что-нибудь узнаю, то сразу перезвоню.

Она нажала на кнопку и устало вздохнула.

- В чем дело? - спросил я.

Она посмотрела на меня со слезами на глазах.

- Мама не пришла на работу, в кулинарную школу, - ответила она наконец. - Она никогда так раньше не делала. Поэтому кто-то из ее коллег заволновался и позвонил мне.

- Может, она заболела?

Дешевые слова утешения.

- Хотела бы я знать... он сказал, что звонил на наш домашний телефон несколько раз. Конечно, он пытался дозвониться и на ее мобильный. Но у него не получилось, потом он позвонил мне, думал, что я что-то знаю...

Она осеклась и, нахмурившись, погрузилась в раздумья.

Я вздохнул. Почему-то я чувствовал, что это не сулило мне ничего, кроме проблем.

- Пойдем домой.

Я крепко схватил ее холодную руку и повел девушку за собой на остановку.

- Э?..

Я услышал ее растерянный голос.

- Похоже, у тебя кое-какие проблемы, так что я не стану задерживать тебя и пойду домой, - быстро сказал я. - Полагаю, такая фраза подошла бы мне лучше... Но как я могу оставить тебя одну в такой момент? К тому же, мне не хочется думать о реакции Мирай-сан, узнай она, что я попрощался с тобой именно сейчас.

В ответ на мое незамысловатое объяснение она сказала: «Эта твоя извращенная сторона личности так очаровательна».

Ее довольный голос.

Подумав, что она дразнила меня, я спешно начал придумать хороший ответ. Однако, когда она прошептала мне на ухо: «Спасибо», и я почувствовал ее холодные пальцы, крепко сжимавшие мою руку, я больше не жаловался.

В темном и холодном жилом районе не было ни души. Разбушевавшийся дождь, обрушившийся на нас, вызывал у меня чувство одиночества, несмотря на то, что Цукимори была рядом со мной.

Мы торопливо поднялись по длинной, крутой лестнице, на конце которой нас ожидал ее дом со своим особенным в геометрическом плане дизайном, который выделял его среди других зданий.

Цукимори много раз пыталась дозвониться на домашний телефон и на мобильный своей матери, но все, что она услышала, - голос автоответчика. Полагаю, что именно из-за груза беспокойства я больше не слышал ее беззаботных замечаний. Мы наконец добрались до места.

Я был настолько жалок, что я не мог найти подходящих слов утешения.

Я прошел за Цукимори в коридор. В доме было совершенно тихо.

Конец длинного коридора растворялся во тьме. Из-за зловещей ауры мне стало казаться, что мы очутились в мрачном логове демонов.

Когда я снял туфли в коридоре, она сказала: «Ты простудишься. Подожди немного, я принесу полотенце».

Быстро пройдя по темному коридору, Цукимори уверенно щелкнула по переключателям на стене, и дом постепенно наполнился светом.

Я медленно прошел через светлый коридор в гостиную.

Осмотревшись, я понял, что с моего прошлого визита ничего не изменилось, лишь из-за тишины вокруг мой слух обострился. Если вспомнить, в ту ночь мы были одни.

И в эту ночь мы, видимо, снова одни.

Здесь никого не было - вот что сказала мне интуиция, когда я вошел в дом.

Что ж, вполне возможно, что ее мать упала в обморок где-то в доме, но вряд ли. Вернувшись Цукимори сообщила: «Когда я ходила за полотенцем, то по пути заглянула в пару комнат, но не нашла ее. Наверное, ее тут и правда нет...».

- Надеюсь, с ней все в порядке...

Я улыбнулся задумавшейся Цукимори.

- Может быть, все не так уж серьезно и ей просто не хотелось идти на работу - снаружи такой мерзкий дождь.

- Ты имеешь в виду, что она просто не пошла на работу?

- Ну, я, например, часто думаю о том, чтобы прогулять школу или не пойти на работу, когда катаюсь на велосипеде в хороший денек.

Я нашел свое замечание смехотворным.

- Надеюсь, что это так.

Но благодаря ее слабому смеху мне не пришлось ругать себя.

- Может, она оставила записку?

- Ты прав. Я поищу.

Цукимори бодро кивнула. По-видимому, к ней вернулось самообладание.

Я пошел вслед за ней на кухню.

Мое желание не упустить шанса открыто осмотреть ее дом не уступало моим угрызениям совести за то, что я пользовался ее беспокойством о матери.

Моему взору представилась элегантная кухня в желтоватых тонах.

- Как и ожидалось от учителя кулинарной школы, - прокомментировал я большой холодильник, непривычные продукты и кухонную утварь.

- Из Италии, если не ошибаюсь.

Пока Цукимори проверяла кухню, я осмотрелся и пролистал одну из кулинарных книг ее матери.

Вообще-то я не надеялся на записку. Хотя было бы здорово, если бы она все-таки нашлась. А я хотел найти что-нибудь связанное с рецептом убийства.

Например... немного новой информации о рецепте.

Я понимал, что это было неблагоприятно. Как бы там ни было, мне искренне нравилась такая атмосфера. Я наслаждался удовольствием, сравнимым с работой детектива или исследованием грота в поисках сокровищ.

- Похоже, что здесь ничего нет. Может, в ее комнате?.. - мрачно сказала Цукимори и вышла из кухни, а я без слов последовал за ней.

Она открыла одну из дверей коридора, и я ощутил приторный запах духов.

Стены, обклеенные белыми обоями, занавеска, украшенная тесьмой, туалетный столик у стены и комод, заполненный косметикой. Очевидно, что это было комната ее матери.

- Ты хорошо ладила с матерью?

- Да, весьма хорошо.

На тумбочке у кровати с цветочными узорами было несколько рамок с фотографиями, на каждой из которых были Цукимори и ее мать.

- Твои родители спали раздельно?

В комнате была только одна одноместная кровать.

- Я всегда думала, что так и надо, но, похоже, супруги должны спать вместе. Наверное, это все было из-за работы, и им было так удобнее.

- Мои родители спят вместе на большой кровати. Но судя по «я проснулась ночью, потому что ты продолжал перетягивать на себя одеяло», что я часто слышу от мамы по утрам, полагаю, они неплохо ладят.

Она тепло улыбнулась.

- У тебя фантастические родители.

Потому я просто равнодушно ответил: «Нормальные».

- Не хочу задерживаться в женской комнате, - сказал я и быстро вышел оттуда, чтобы подождать в коридоре. Меня просто раздражал приторный запах духов.

Пока Цукимори искала записку возле туалетного столика, я спросил ее: «Где комната твоего отца?»

Не могу сказать, что у меня не было скрытого мотива.

- Прямо напротив.

Как и не могу отрицать, что это было лишь предлогом к исследованию ее дома в спокойном одиночестве.

- Нам лучше разделиться. Я поищу в комнате твоего отца.

Но я и правда хотел помочь ей, хотя подобное было не в моем духе, увидев, как взросло она себя ведет.

- Спасибо. Но его комната может быть немного пыльной. Ее не трогали с тех пор, как его не стало... - извиняющимся тоном сказала Цукимори.

- Ничего, - ответил я и направился к двери напротив.

Комната выглядела как библиотека.

Все книги, находившиеся у одной из стен, были связаны со строительством. На блестящем серебристом столе была большая груда книг и настольный компьютер. На краях стола лежали по одному беспроводному телефону. Я понял, что для ее отца эта комната была библиотекой и рабочим кабинетом.

В подтверждение слов Цукимори, каждый мой шаг оставлял за собой след на покрытом пылью полу. Много пыли было и на оконных рамах.

Я остановился. Услышал кое-что.

Цукимори говорила, что комнату не трогали. Но я уловил едва уловимый звук, напоминавший комариный писк.

Звук маленького кулера.

Я подошел к серебряному столу. Компьютер был включен, просто находился в спящем режиме. Я нажал на кнопку.

- Цукимори...

Как только я увидел, что было на экране монитора, я назвал ее имя.

Она пришла из соседней комнаты и, закрыв один глаз, спросила: «Что?»

- Вот, - сказал я, показав на монитор.

Ее мать действительно оставила сообщение.

- Это... - пробормотала она в удивлении и замолчала, продолжая смотреть на монитор.

Время остановилось. В комнате было слышно лишь дождь и гудение кулера.

Я мог лишь наблюдать со стороны за ее прекрасным, но столь печальным лицом.

Имя ее матери было напечатано в «Блокноте» вместе с коротким комментарием:

«Мне жаль».

В тот день я вернулся домой на патрульной машине в три часа ночи.

<http://tl.rulate.ru/book/6269/115397>